

ОБЗОР ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ В ФОРМЕ “КРУГЛОГО СТОЛА” ЖУРНАЛОВ “ГОСУДАРСТВО И ПРАВО”, “ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА И ПРАВОВАЯ ЖИЗНЬ”, «ВЕКТОР НАУКИ ТОЛЬЯТТИНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА. СЕРИЯ “ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ”» НА ТЕМУ “ОБСУЖДЕНИЕ ПРОЕКТА КОНЦЕПЦИИ ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ: ОТ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ РАЗРАБОТКИ К ЦЕЛОСТНОМУ ПОНИМАНИЮ”¹

Приведен обзор научно-практической конференции, проходившей 12–14 апреля 2016 г. в Тольяттинском государственном университете. Предметом обсуждения стал разработанный проект концепции правовой политики в сфере юридической ответственности. Приводятся как критические замечания по проекту, так и новые предложения, дополняющие и развивающие существующие разделы концепции.

The article offers an overview of scientific and practical conference held at Togliatti State University on April 12–14, 2016. The conference focused on the discussion of the draft of a legal policy concept in the field of legal responsibility. The article covers critical comments on the draft as well as new proposals that supplement and develop the existing sections of the concept.

Ключевые слова: концепция правовой политики, юридическая ответственность, виды юридической ответственности, виды правовой политики, концепция юридической ответственности.

Key words: concept of legal policy, legal responsibility, types of legal responsibility, types of legal policy, concept of legal responsibility.

12–14 апреля 2016 г. в Тольяттинском государственном университете прошла Всероссийская научно-практическая конференция в форме “круглого стола” журналов “Государство и право”, “Правовая политика и правовая жизнь”, «Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия “Юридические науки”» на тему “Обсуждение проекта концепции правовой политики в сфере юридической ответственности: от предварительной разработки к целостному пониманию”.

В своем выступлении директор Саратовского филиала Института государства и права РАН, доктор юрид. наук, проф., заслуженный деятель науки РФ А. В. Малько и доцент кафедры теории государства и права Саратовской государственной юридической академии (СГЮА), канд. юрид. наук Р. С. Маркунин отметили, что в проекте концепции правовой политики в сфере юридической ответственности саму юридическую ответственность необходимо рассматривать в различных сферах нашей жизнедеятельности. В этой связи требуется выделить в проекте концепции самостоятельный раздел, посвященный системе юридической ответственности органов публичной власти.

Предлагаемый раздел должен включать в себя несколько самостоятельных направлений.

1. В новой Конституции требуется сформировать полноценный каркас системы юридической ответственности для органов публичной власти. Юридическая ответственность должна найти свое отражение, начиная от высшего должностного лица государства и заканчивая государственным служащим низшего звена.

2. Внесение изменений в процедуру импичмента президента и преобразование его в эффективное средство контроля за деятельностью главы государства. Рассматривая действующую процедуру и основания ответственности Президента РФ, делается вывод, что отрешение от должности на практике на данный момент не осуществимо. На современном этапе сыграло бы свою положительную роль расширение перечня оснований, а именно: “в связи с совершением деяний, несовместимых со статусом главы государства”.

3. Изменение проводимой государством политики с установления разного рода гарантий и иммунитетов должностных лиц в сторону закрепления их обязанностей и мер юридической ответственности. Ограничение действия личного иммунитета должностных лиц лишь в рамках свободы выражения своего мнения и действий при выполнении своих обязанностей.

4. Законодательное закрепление на федеральном уровне норм, касающихся обязательного наличия такой меры ответственности, как досрочное прекращение полномочий в отношении депутатов регионального и местного представительного органа. В связи с последними изменениями федерального законодательства наметилась положительная тенденция, а именно: установлена возможность досрочного прекращения полномочий депутата решением Государственной Думы по инициативе фракции, в которой он состоит, или комитета, членом которого

¹Статья подготовлена при поддержке РГНФ: проект № 16-33-00017 “Комплексный, межотраслевой институт юридической ответственности: понятие, структура, взаимосвязи и место в системе права”.

The article was prepared with the support of Russian Humanitarian Scientific Foundation: project No 16-33-00017 “Complex, intersectoral institution of legal responsibility: notion, structure, interconnections and place in the system of law”.

депутат является, в случае неисполнения им в течение 30 и более календарных дней обязанностей, предусмотренных действующим законом². Требуется дальнейшая конкретизация в федеральном законодательстве оснований отзыва и досрочно прекращения полномочий депутата представительного органа власти регионального и местного уровней: а) систематическое (два раза и более), без уважительных причин невыполнение своих обязанностей; б) утрата доверия; в) совершение действий, порочащих статус парламентария.

5. Закрепление такого основания применения мер ответственности в отношении судей, как наметившаяся системность вынесения неправосудных и немотивированных решений, подтверждаемая вышестоящими судебными инстанциями в вынесенных судебных актах. Подобная системность выступает свидетельством недобросовестности либо отсутствия профессиональных качеств у судьи, в отношении которого рассматривается вопрос о привлечении его к ответственности. Целесообразным в данном случае выглядит такая мера ответственности, как досрочное прекращение полномочий судьи.

Профессор кафедры теории государства и права Тольяттинского государственного университета, доктор юрид. наук Д. А. Липинский подчеркнул, что представленная для обсуждения разработка³ является первой в данной области. Проект включает в себя такие разделы, как общие начала правовой политики; общие начала правовой политики в сфере юридической ответственности; цели и функции юридической ответственности и правовой политики; правовая политика и правоотношения юридической ответственности; правовая политика в сфере мер юридической ответственности; правовая политика в сфере функционирования видов юридической ответственности; правовая политика в сфере оснований юридической ответственности; правовая политика в сфере исключений из общих правил юридической ответственности; правовая политика в сфере ограничений государственной власти.

По его мнению, прежде всего необходима детализация самой структуры. Так, должны существовать два крупных раздела: первый раздел должен быть посвящен общим началам правовой политики, куда войдут отдельными главами (параграфами) вопросы о принципах, правоотношениях, целях, функциях и т.д., а второй – правовой политике в сферах функционирования отраслевых и межотраслевых институтов юридической ответственности. В частности, отдельные параграфы должны быть посвящены конституционной, уголовной, гражданско-правовой, финансовой, административной, процессуальной и другим институтам юридической ответственности. Возможно и более детальное деление. Так, финансовая ответственность подразделяется на налоговую, бюджетную и банковскую; подвиды процессуальной ответственности выступают уголовно-процессуальная и гражданско-процессуальная ответственность. Отдельное внимание должно быть уделено видам ответственности, находящимся в стадии становления (формирования): конституционно-процессуальной, административно-процессуальной, семейно-правовой, уголовно-исполнительной, муниципально-правовой. Межотраслевой институт юридической ответственности не является неким застывшим образованием. Он динамичен, изменчив, обусловлен существующими общественными отношениями, потребностями общественного развития, необходимостью борьбы с новыми видами общественно

опасных деяний. Поэтому с течением времени вполне допустимо дополнение данного раздела новыми главами и параграфами. Вопрос о системе юридической ответственности является открытым, как и вопрос о системе права. Изменения в системе права обуславливают и динамику института юридической ответственности. Следует отметить, что деление института юридической ответственности на отдельные виды, которое происходит на основе предмета и метода правового регулирования, не является тождественным делению системы права на отрасли, что необходимо учитывать при формировании структуры концепции юридической ответственности. Не любая отрасль права в своей структуре содержит самостоятельный институт юридической ответственности. Безусловно, отдельный параграф в структуре концепции правовой политики в сфере юридической ответственности должен быть посвящен международно-правовой ответственности.

Как известно, деление системы юридической ответственности на видовые институты не является тождественным делению юридической ответственности на виды ввиду того, что в основу деления юридической ответственности на виды может быть положен не только отраслевой критерий классификации. Поэтому не исключается в силу особой важности формирование параграфов, посвященных юридической ответственности в сфере противодействия коррупции, юридической ответственности несовершеннолетних и т.д.

Профессор кафедры теории государства и права Тольяттинского государственного университета, доктор юрид. наук Р. Л. Хачатуров обратил внимание на важность разработки проекта концепции правовой политики в сфере юридической ответственности, его совершенствования и дополнения новыми главами. В разделе, посвященном общим началам правовой политики в сфере юридической ответственности, должен быть параграф о философских началах юридической ответственности, в котором с широких позиций необходимо раскрыть роль и социальное предназначение юридической ответственности, ее логику, конструкцию, природу. В этом параграфе следует заложить основу для формирования всей концепции правовой политики в сфере юридической ответственности. Сам раздел об общих началах правовой политики в данной сфере должен открываться указанным параграфом.

Проректор Самарской гуманитарной академии по научной работе, доктор юрид. наук, проф., почетный работник высшего профессионального образования РФ В. К. Дуюнов отметил большую работу, проделанную организаторами наших “круглых столов”: публикации в юридических журналах, издание сборника научных трудов и собственно проекта концепции правовой политики в сфере юридической ответственности, делающие разговор предметным, конкретным, практически направленным и полезным.

Вместе с тем знакомство с текстом документа показывает, что предстоит еще многое сделать.

1. Определяя понятия правовой политики (с. 5, 6), необходимо указать главное – это не просто “деятельность государственных органов”, а *управленческая деятельность, связанная с определением генеральной, стратегической линии* в решении вопроса формирования оснований, целей, принципов, содержания, средств и способов, форм и видов юридической ответственности.

2. В проекте много теоретизирования, но слаба практическая направленность. Концепция все же – не просто “система теоретических положений” (с. 3). Это – комплекс объективно необходимых (практически востребованных) установок, в какой-то степени директив, назначение которых – определять

² См.: Из Думы – в былое // Росс. газ. 2016. 5 мая.

³ См.: Малько А. В., Липинский Д. А., Суменков С. Ю., Вырлеева-Балаева О. С. Проект концепции правовой политики в сфере юридической ответственности. М., 2015.

стратегию деятельности в рассматриваемой сфере и которые в совокупности должны стать платформой для разработки соответствующей программы, конкретизирующих ее планы и нормативно-правовых документов, подлежащих реализации в практической деятельности.

В концепции должно быть научно обоснованно, какой должна быть правовая политика государства в обозримом будущем, ее идеальная модель на многие годы, которая отражала бы консолидированное научно обоснованное видение учеными, практиками и законодателем проблемы юридической ответственности, различных ее аспектов и всех элементов ее структуры, по мнению В. К. Дуюнова, в такой последовательности:

- понятие ответственности;
- ее основание;
- ее цели, задачи и функции;
- ее содержание (права и обязанности) и пределы;
- ее стороны (субъекты);
- средства и возможности ее реализации;
- принципы ее реализации и т.д.

Все это могло бы составить “общую часть” концепции (обшетеоретическую), а в ее “особенной части” (отраслевой) те же вопросы (их особенности) могли быть рассмотрены применительно к видам юридической ответственности: гражданско-правовой, уголовной, административной, дисциплинарной.

Заведующая кафедрой теории государства и права Тольяттинского государственного университета, канд. юрид. наук, доц. А. А. Мусаткина подчеркнула позитивные аспекты представленной концепции, одновременно указав на необходимость совершенствования ее структуры и содержания. Так, в представленной концепции весьма обзорно затронуты вопросы финансово-правовой ответственности. Между тем отдельный параграф должен быть посвящен правовой политике в сфере функционирования данного вида юридической ответственности. Это обусловлено рядом факторов. Во-первых, финансово-правовая ответственность есть одно из средств стимулирования сбора налогов и иных платежей, расходования бюджетных средств в соответствии с требованиями Бюджетного кодекса РФ, соблюдения банками и иными кредитными организациями нормативов, установленных Центральным банком РФ. Во-вторых, от эффективности сбора налогов и целевого расходования бюджетных средств в конечном счете зависит, как государство будет выполнять возложенные на него функции. В-третьих, от соблюдения различными банками и кредитными организациями нормативов и иных требований, установленных ЦБ России, зависят стабильность банковской системы, защищенность вкладов юридических и физических лиц. Эти и другие обстоятельства обуславливают важность правовой политики в сфере финансово-правовой ответственности. Данный параграф целесообразно подразделить на три подпараграфа, которые, соответственно, будут посвящены налоговой ответственности, бюджетной ответственности и ответственности в сфере публичных банковских отношений. Охрана налоговых, бюджетных, публичных банковских отношений осуществляется при помощи норм с различной отраслевой принадлежностью. Поэтому поддерживается высказанная ранее Д. А. Липинским идея о том, что возможно выделение отдельных параграфов концепции, основанных на отраслевом критерии классификации института юридической ответственности. В этой связи можно выделить параграф, в котором комплексно освещались бы вопросы уголовной, административной и гражданско-правовой ответственности за финансовые правонарушения.

Доцент кафедры теории государства и права Оренбургского филиала МГЮУ им. О. Е. Кутафина (МГЮА), канд. юрид. наук О. С. Вырлеева-Балаева отметила, что общественные отношения в сфере государственного управления характеризуются нестабильным правопорядком, проявляющимся в росте коррупционных правонарушений, в то время как именно чиновники всех рангов должны показывать пример высочайшего уровня правосознания и строжайшего соблюдения принципа законности в своей деятельности. Необходима адекватная реакция государства на поведение должностного лица, отклоняющегося от рамок правомерного. Эта реакция выражается в правовых запретах деяний, нежелательных для общества, и возложении юридической ответственности за их совершение, а также в установлении системы мер, направленных на предупреждение подобного поведения.

Меры юридической ответственности в отношении субъектов публичной власти должны занимать важнейшее место в системе обеспечения прав и свобод человека и гражданина. Статус чиновников необходимо трансформировать из “привилегированного” в действительно “обслуживающий” гражданское общество и личность. Государство в лице своих представителей обязано нести ответственность за деяния любого органа публичной власти, должностного лица, нарушивших права и свободы человека и гражданина. В этой связи в последнее время всё более актуальным становится вопрос о роли запрета как средства правового регулирования, в том числе в публично-правовых отношениях.

Так как запреты в сфере государственной службы являются императивным предписанием воздерживаться от совершения нежелательных действий, соблюдать нормы закона при исполнении полномочий, предоставленных государственному служащему, они должны быть обеспечены соразмерными санкциями. Однако в российском законодательстве нормы, содержащие запреты и ограничения для государственных служащих, часто остаются без санкций, что превращает их в пустую декларацию. При этом недостаточно отдельных разрозненных мер. Необходимо выстроить целую систему запретов, ограничений, предписаний и мер ответственности. Наша страна в этом вопросе отстает от многих государств, где уже существует политическая, юридическая, моральная ответственность власти перед обществом.

Кроме того, запреты должны быть исполнимыми, формулироваться в виде четких и определенных правовых норм, устанавливающих обязанность воздерживаться от совершения определенных действий под угрозой применения юридической ответственности. В качестве примера запрета, не вполне удачного с точки зрения его соблюдения, можно привести запрет останавливать транспортные средства на участках дорог, где их остановка запрещена правилами дорожного движения, за исключением случаев, когда такая остановка связана с необходимостью пресечения преступления, административного правонарушения, осуществления распорядительно-регулирующих действий, предотвращения реальной угрозы причинения вреда жизни, здоровью и (или) имуществу участников дорожного движения, а также случаев обозначения места остановки патрульным автомобилем с включенными специальными световыми сигналами, другими средствами регулирования и организации дорожного движения⁴. Во-первых, действия сотрудника дорожной инспекции всегда можно оправдать одним из

⁴ См.: Административный регламент Министерства внутренних дел РФ исполнения государственной функции по контролю и надзору за соблюдением участниками дорожного движения требований в области обеспечения безопасности дорожного движения. Утвержден Приказом МВД России от 2 марта 2009 г. № 185. Пункт 66 // Росс. газ. 2009. 7 июля.

перечисленных случаев-исключений; во-вторых, даже если необходимость остановки транспортного средства не будет подтверждена, вряд ли представитель власти понесет дисциплинарную или административную ответственность за содеянное. Следовательно, смысл такого запрета ничтожен, он не достигнет своей цели.

Доцент кафедры теории государства и права Тольяттинского государственного университета, канд. юрид. наук А. Н. Станкин указал, что вопросам конституционно-правовой ответственности федеральный законодатель практически не уделяет внимания. К немногочисленным законам в данной сфере большие претензии у научного сообщества. Показательно, что само определение конституционно-правовой (или конституционной) ответственности все еще остается доктринальным.

В этом плане конституционная ответственность явно проигрывает, например, уголовной или административной ответственности. Определенную ясность вносят правовые позиции Конституционного Суда РФ, но они не должны подменять собой законодательные нормы.

Справедливости ради было отмечено, что и судьи не всегда выступают «единым фронтом» по ряду вопросов. Например, судья Конституционного Суда РФ Н. В. Витрук небезосновательно считал, что общие принципы организации и функционирования законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Федерации, в числе которых и принцип конституционно-правовой ответственности указанных государственных органов субъектов Федерации перед федеральной властью, должны быть закреплены если не в самой Конституции РФ, то в законе самой высокой юридической силы⁵.

Как полагает А. Н. Станкин, разработка правовой политики в сфере конституционной ответственности более чем назрела. Законодателю необходимы ориентиры для системного развития законодательства в данной сфере. Поэтому в проекте концепции отдельный параграф должен быть посвящен конституционно-правовой ответственности.

Доцент кафедры гражданского права, гражданского процесса и трудового права Тольяттинского государственного университета, канд. юрид. наук Е. В. Чуклова отметила, что в правовой политике в сфере процессуальной ответственности наметились определенные положительные моменты. В частности, в принятом Кодексе административного судопроизводства есть глава, посвященная процессуальному принуждению.

Под процессуальным принуждением в административном процессе понимается деятельность, представляющая собой способы психического или физического воздействия на сознание и поведение субъекта. Процессуальное принуждение имеет фактическое и формальное основания применения. Его использование возможно в целях не только охраны, но и регулирования процессуальных правоотношений, но только в рамках процедуры, четко определенной в законе. Мерами процессуального принуждения являются установленные законом действия, которые применяются к лицам, нарушающим установленные в суде правила и препятствующим осуществлению административного судопроизводства. Административно-процессуальное

принуждение может осуществляться с помощью трех видов мер: мер административно-процессуальной защиты, административно-процессуального обеспечения и административно-процессуальной ответственности.

Основной целью правовой политики в сфере процессуальной ответственности должна стать унификация правил применения мер процессуального принуждения в рамках не только административного, но и гражданского и арбитражного судопроизводства. В проекте концепции правовой политики в сфере юридической ответственности должна быть специальная глава, посвященная процессуальной ответственности, с параграфами: уголовно-процессуальная ответственность; гражданско-процессуальная ответственность; административно-процессуальная ответственность; конституционно-процессуальная ответственность.

Доцент кафедры истории государства и права Тольяттинского государственного университета, канд. юрид. наук В. В. Романова обратила внимание на то, что особую значимость сейчас приобретает международно-правовая политика. В последние годы наблюдаются следующие тенденции развития международного сотрудничества: военно-политическое соперничество региональных держав, игнорирование отдельными государствами и группами государств основных принципов международного права, развитие региональной и субрегиональной интеграции, влияние мировой экономики на глобальные процессы.

Особый интерес представляет позиция Конституционного Суда РФ, выраженная 14 июля 2015 г. в Постановлении по делу о применимости решений Европейского Суда по правам человека на территории Российской Федерации.

Конституционный Суд РФ провозгласил, что участие Российской Федерации в международном договоре не означает отказа от государственного суверенитета. Так, международный договор, в частности Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод, не может отменить приоритет Конституции РФ. Следовательно, начиная с 14 июля 2015 г. реализация в российской правовой системе решений Европейского Суда по правам человека возможна только при условии признания высшей юридической силы за Конституцией РФ. При этом Конституционный Суд РФ отдельно подчеркивает, что при разрешении подобных конфликтов нужно стремиться не к самоизоляции, а исходить из необходимости диалога и конструктивного взаимодействия, построенного на взаимном уважении. В связи с вышеизложенным встает вопрос о необходимости разработки специального правового механизма обеспечения верховенства Конституции РФ при исполнении постановлений Европейского Суда по правам человека. Сказанное обуславливает актуальность юридической ответственности государства как самостоятельного субъекта права. Поэтому отдельный параграф в концепции правовой политики должен быть посвящен юридической ответственности государства. При этом следует иметь в виду, что юридическая ответственность государства – это комплексное образование, которое включает международно-правовую, конституционно-правовую и гражданско-правовую ответственность. Отсюда – данный параграф целесообразно разделить на соответствующие подпараграфы, посвященные видам юридической ответственности государства.

Профессор кафедры теории и истории государства и права Самарской гуманитарной академии, доктор юрид. наук Ю. В. Оспенников указал на то, что концепцию правовой политики в сфере юридической ответственности сложно сформулировать без учета определенных исторических традиций, уже существующего правового опыта, ошибок, которые помогает избежать в настоящем историко-правовая наука. В этом аспекте можно обратиться к правовой политике, существовавшей в русских землях в период с XI по XIII в. В историко-правовой науке не принято разрабатывать вопросы эволюции правовой политики

⁵ См.: Особое мнение судьи Конституционного Суда РФ Н. В. Витрука к постановлению Конституционного Суда РФ «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» в связи с запросами Государственного собрания (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия) и Совета Республики Государственного совета – Хасэ Республики Адыгея» от 4 апреля 2002 г. // Вестник Конституционного Суда РФ. 2002. № 5.

в конкретно-исторических условиях, в хронологическом отношении далеко отстоящих от современности. Между тем анализ повествовательных источников информации XI–XIII вв. (прежде всего летописного материала) позволяет выявить изменения уголовно-правовой политики в средневековом русском праве в тот период, определив наиболее активные действующие силы, которые влияли на эти изменения. Тогда же появляются и начинают всё чаще использоваться новые, нетипичные для обычного древнерусского права виды наказаний, которые связываются по тексту летописей исключительно с княжеской властью. К их числу относятся ослепление, урезание носа или ушей, раздавливание и сажание на кол и др. Все их сближает особая жестокость, которая отличает репрессивную деятельность князей от традиционной общинной системы наказаний.

Массив летописных данных позволяет утверждать, что в рассматриваемый период в деятельности князей намечается тенденция использования видов и форм наказаний, заимствованных из инокультурных правовых систем, не связанных генетически с обычно-правовой древнерусской традицией. Тюремное заключение (в “поруб”), напротив, было связано с перипетиями политической борьбы, но не с уголовно-правовой политикой.

Историко-правовой анализ летописных текстов Северо-Западной Руси позволяет выявить общее направление изменения уголовно-правовой политики в период XI–XIII вв. и действующие силы, определявшие эти изменения. В это время соотношение двух источников власти – народного собрания и княжеской власти – существенно изменяется в пользу князя. На основе усиления княжеской власти в древнерусское право проникают чуждые ему виды и формы наказаний, прежде всего ослепление и урезание носа. Исходной правовой системой, откуда заимствовались нововведения, являлось византийское право, но его действие осуществлялось не через церковные власти, как можно было бы ожидать, а через княжескую судебную практику.

Ю. В. Оспенников отметил, что поддерживает гуманистические начала правовой политики в Российской Федерации, а также указал на необходимость с осторожностью перенимать опыт уголовных наказаний из зарубежных стран.

Профессор кафедры истории государства и права Тольяттинского государственного университета, доктор юрид. наук С. В. Жильцов указал на необходимость учета историко-правового опыта при построении концепции правовой политики в сфере юридической ответственности, заострив внимание на проблеме смертной казни. Смертная казнь – явление закономерное, генетически произошедшее из обычая кровной мести, распространенного у всех народов, а потому имеющее объективную основу ее применения.

Применение смертной казни как высшей меры наказания имеет своей целью лишение жизни преступника и предупреждение от совершения особо опасных преступлений в обществе. Имея объективную основу своего происхождения, смертная казнь и на современном этапе общественного развития сохраняет свое основное свойство – превентивное предназначение.

История применения смертной казни в отечественном законодательстве свидетельствует о том, что эта мера не способствовала улучшению криминогенной обстановки в государстве, и в частности уменьшению количества совершения особо опасных преступлений.

Применение или отмена смертной казни в законодательстве государств должны соответствовать объективным потребностям общества и учитывать как общий уровень криминогенной обстановки в обществе в целом, так и динамику совершения особо опасных преступлений в частности.

Исходя из опыта множества государств, где применялась смертная казнь в соответствии с законодательством, можно рекомендовать замену смертной казни пожизненным за-

ключением (по выбору осужденного) при создании условий содержания приговоренных к длительным срокам заключения. Данный аспект необходимо отразить в проекте концепции правовой политики.

Директор Юридического института Югорского государственного университета, канд. юрид. наук, доц. С. В. Розенко остановился на проблемах правовой регламентации системы уголовного наказания в российском уголовном праве, которая имеет двойственное значение. Особое внимание было уделено тому, что наказание в настоящее время формируется как межотраслевая правовая категория, где первоосновой выступает наказание уголовное, что предопределено необходимостью разработки концепции наказательной государственно-правовой политики. А оно, в свою очередь, имеет развернутую структуру как обязательный содержательный элемент системы уголовного права, где необходимо дальнейшее развитие и совершенствование дополнительных видов наказаний в УК РФ, так как они во взаимодействии с основными видами наказаний усиливают карательный эффект в отношении лица, совершившего преступление.

Доцент Поволжского института (филиала) (г. Саратов) Всероссийского государственного университета юстиции, канд. ист. наук В. А. Затонский отметил, что обсуждаемая концепция должна быть направлена прежде всего на повышение эффективности отечественной государственности, качества государственной жизни современного российского общества.

Государственная жизнь общества – это важнейший, относительно самостоятельный срез правовой жизни, выражающийся преимущественно в соответствующих правовых актах, правообразующих и правореализационных отношениях, в непосредственном управлении, характеризующий специфику и уровень государственной организации данного общества, отношение субъектов к государству, его органам и должностным лицам, а также степень обеспеченности их прав, свобод и законных интересов.

Особое значение для оптимизации современной российской государственной жизни приобретает правовая политика в целом и её неотъемлемая составная часть – политика в сфере юридической ответственности, т.е. научно обоснованная, последовательная и системная деятельность институтов государства и гражданского общества по оптимизации механизма правового регулирования в данной сфере.

России необходимо сильное государство, которое во взаимодействии с личностью, гражданским обществом и другими субъектами государственной жизни выступает в качестве важнейшего условия успешного развития всего российского общества. Суть дела не только в том, чтобы усилить роль государства в социальном развитии, а в том, чтобы сделать эту роль прогрессивной, сформировать не просто сильное, а сильное эффективное государство. И здесь вовсе не игра слов, а глубокий и вполне реальный смысл. Только сильное государство в состоянии эффективно выполнять свои функции, добиваться полезного для всего общества результата. Слабое государство этого не может.

Старший преподаватель кафедры теории государства и права Тольяттинского государственного университета И. А. Александров поддержал идею Р. Л. Хачатурова о том, что проект концепции правовой политики в сфере юридической ответственности должен открываться разделом, посвященным философии юридической ответственности. В этой связи заслуживает внимания рассмотрение такой философской категории, как “благо”. Исследуя различные аспекты эффективности правовой политики в сфере юридической ответственности, представляется целе-

сообразным изучить вопрос о тех благах, на которые осуществляется воздействие в процессе реализации, в том числе негативной, юридической ответственности. Благополучие, благополучие, благо – это понятия, играющие важную роль в социально-экономической сфере, а потому входящие и в сферу государственной политики. Вместе с тем данные понятия связаны с целым рядом фундаментальных вопросов, в частности: из каких компонентов состоит социальное благо; каковы способы его достижения; какие институты социальной системы и в какой мере могут способствовать достижению социального благополучия? Весьма интересным является вопрос о соотношении категорий “благо” и “ценность”. При этом взгляды на последнюю категорию столь разноречивы, что вряд ли можно говорить о ее абсолютной тождественности с категорией “благо”.

В философии и этике благо – это понятие, заключающее в себе определенный положительный смысл и обозначающее совокупность ценностей предметов и явлений, необходимых для удовлетворения положительных потребностей человека и общества, для обеспечения счастливой, здоровой, материальной и духовно полноценной жизни. Под благом в обширном смысле понимается удовлетворение человеческой потребности или стремления, а потому и цель каждого стремления.

В современном российском законодательстве, по сути, закреплено деление благ на материальные (в частности, подразделяемые в рамках гражданско-правового понимания на имущественные и неимущественные) и нематериальные. С развитием рыночной экономики, безусловно, возрастает роль материальных, в том числе имущественных, благ, поскольку они открывают широкие возможности их обладателям. Обладание имущественными благами не только обеспечивает жизнеспособность индивида, но и дает ему возможность влиять на социально значимые отношения, управлять складывающимися и развивающимися социальными процессами. Саму юридическую ответственность в проекте концепции необходимо рассматривать как определенное благо, обусловленное потребностями общественного развития.

Старший преподаватель кафедры теории государства и права Тольяттинского государственного университета В. В. Степанова акцентировала внимание на понятийном аппарате, используемом при формулировании категории “финансово-правовая ответственность”. Финансово-правовую ответственность можно рассматривать как определенное научное понятие, явление и как один из институтов финансового права. При этом категория финансово-правовой ответственности должна формулироваться, исходя из ее понимания как целостного правового явления, включающего позитивный и негативный аспекты реализации. О существовании финансово-правовой ответственности говорят такие факторы, как самостоятельность отрасли финансового права, специфика мер финансово-правовой ответственности, наличие кодифицированных нормативных правовых актов, в которых она закрепляется.

Финансово-правовая ответственность выступает одним из институтов финансового права, который регулирует общественные отношения в финансовой сфере посредством обязанностей, запретов, наказаний, а также путем поощрения правомерного поведения субъектов финансово-правовых отношений. Указание на применение мер поощрения обусловлено пониманием финансово-правовой ответственности (исходя не из узких, а из широких позиций), включающей и позитивный аспект. Однако следует иметь в виду, что институт поощрения в финансовом праве находится в стадии формирования. Между тем он активно используется как один из инструментов стимулирования

финансово-правомерного поведения в зарубежных странах. Давно доказано, что наиболее действенными способами правового регулирования являются не запреты, а поощрения, которые нужно использовать и в финансово-правовой сфере. В параграфе о финансово-правовой ответственности необходимо выделить специальную часть, посвященную финансово-правовым стимулам.

Заведующая кафедрой гражданского права, гражданского процесса и трудового права Тольяттинского государственного университета, канд. юрид. наук, доц. О. Е. Репетева указала, что Трудовой кодекс РФ не содержит легального определения трудового правонарушения, но в ст. 192 на законодательном уровне впервые закреплено понятие дисциплинарного проступка, которым признается неисполнение или ненадлежащее исполнение работником по его вине возложенных на него трудовых обязанностей.

Нередко происходит смешение понятий “дисциплинарный проступок” и “трудовое правонарушение”, граница между ними нечеткая, размытая. О. Е. Репетева полагает, что следует различать указанные понятия. Данное положение обосновывается следующими причинами: во-первых, дисциплинарный проступок по нормам трудового права есть разновидность трудового правонарушения, выступающего основанием для привлечения не только к дисциплинарной, но и к иным видам юридической ответственности; во-вторых, дисциплинарный проступок следует отличать от нарушений воинской и учебной дисциплины, которые относятся к числу административных деликтов и находятся в сфере действия административного права.

Хотя дисциплинарные проступки характерны для правонарушений в области трудового права, это вовсе не значит, что во всех случаях неисполнения субъектами трудового правоотношения обязанностей может иметь место дисциплинарный проступок. Законодательное определение дисциплинарного проступка в области трудового правоотношения сужает содержание трудового правонарушения, которое может повлечь за собой не только дисциплинарную, но и административную, гражданско-правовую, и даже уголовную ответственность. Поэтому трудовое правонарушение – более широкое понятие по сравнению с дисциплинарным проступком по нормам трудового права, так как дисциплинарный проступок – один из видов трудового правонарушения. Расширительное толкование дисциплинарного проступка не вполне отражает его сущность и правовую природу. Кроме того, сведение всех правонарушений в сфере труда к дисциплинарному проступку свидетельствует об одностороннем подходе. Одновременно было отмечено, что в действующем законодательстве не содержится перечня дисциплинарных правонарушений. В этой связи требуется принятие Кодекса дисциплинарных правонарушений, что необходимо отразить в концепции правовой политики в сфере юридической ответственности.

Заместитель директора Института права Самарского государственного экономического университета, канд. юрид. наук, доц. В. А. Пономаренков отметил, что, определяя сущность юридической ответственности, следует исходить из анализа общесоциальной детерминационной природы данного феномена, которая демонстрирует различные стороны своего проявления и раскрывает ее как достаточно емкую и многогранную категорию, реализуемую как за правомерные поступки, так и за совершение правонарушения в форме позитивной и негативной юридической ответственности.

Позитивные и негативные последствия действий или бездействия субъектов правоотношений не исчерпывают весь арсенал

правового воздействия, поскольку юридическая ответственность представляет собой обязанность отвечать за поступки и действия, а также их последствия, которые не влекут каких-либо поощрений или наказаний, а выступают лишь обязанностью совершить определенные действия либо воздержаться от них. Это, по сути, представляет собой *“нейтральную” ответственность*, которая возникает из обязанности выполнять полезные для общества функции и реализуется в регулятивных правоотношениях, в которых обязанная сторона находится в положении подотчетности и подконтрольности.

Основной целью *“нейтральной (управленческой)”* юридической ответственности является обеспечение нормального функционирования механизма правового регулирования путем создания условий реализации субъектами правоотношений прав и обязанностей. Данный вид юридической ответственности складывается, исходя из формулирования обязанностей, запретов, дозволений, предписаний, в результате чего формируются составы правомерного поведения. Однако правовые обязанности, запреты, дозволения в данном случае выступают способами осуществления *“нейтральной”* ответственности.

Признание *“нейтральной (управленческой)”* ответственности находит свое отражение в постановлениях Конституционного Суда РФ. Так, в постановлении Конституционного Суда РФ *“По делу о толковании положений части 4 статьи 111 Конституции Российской Федерации”* от 11 декабря 1998 г. специально указывается: *«Президент Российской Федерации согласно Конституции Российской Федерации является главой государства (статья 80, часть 1). В силу своего места в системе разделения властей Президент Российской Федерации в качестве главы государства определяет в соответствии с Конституцией Российской Федерации и федеральными законами основные направления внутренней и внешней политики государства (статья 80, часть 3), реализация которой возложена на Правительство РФ (статья 114, часть 1). Именно этим обусловлены полномочия Президента России по формированию Правительства Российской Федерации, определению направлений его деятельности и контролю за ней (статьи 83, пункты “а”, “б”, “в”, “д”; 111; 112; 115, часть 3; 117 Конституции Российской Федерации), а также конституционная ответственность Президента Российской Федерации за деятельность Правительства Российской Федерации. Отсюда вытекает и роль Президента Российской Федерации в определении персонального состава Правительства Российской Федерации, в том числе в выборе кандидатуры и назначении на должность Председателя Правительства Российской Федерации».* Как следует из постановления, речь идет не о негативной и позитивной ответственности, а о *“нейтральной”* ответственности, в результате которой Президент РФ должен выполнить определенные требования, заключающиеся в обязанности отвечать за свои действия и их последствия.

Таким образом, *“нейтральная”* ответственность представляет собой обязанность принудительного исполнения опре-

деленных действий (бездействия) лиц в форме осуществления государственных функций, не наносящая для их исполнителя ни позитивных, ни негативных последствий.

“Нейтральная” ответственность обладает одной важной отличительной особенностью, которая выделяет ее среди других видов юридической ответственности: она носит организационно-правовой характер; предопределяет деятельность должностных лиц по установлению других видов юридической ответственности, оказывая тем самым влияние на формирование и функционирование института юридической ответственности в целом.

С краткими выступлениями на *“круглом столе”* выступили: старший преподаватель кафедры теории государства и права Тольяттинского государственного университета **Ю. М. Савельев**; доцент Тольяттинского государственного университета, канд. юрид. наук **И. В. Попрядухина**; магистранты Тольяттинского государственного университета **П. А. Андреев**, **И. А. Андреев**, **А. О. Павлов**, **Д. О. Соколов** и **В. И. Щербаков**.

Обзор материалов *“круглого стола”* подготовили:

Александр Васильевич Малько, директор Саратовского филиала Института государства и права РАН, доктор юрид. наук, проф., заслуженный деятель науки РФ (E-mail: i_gp@ssla.ru);

Наталья Викторовна Кроткова, заместитель главного редактора журнала *“Государство и право”* РАН, канд. юрид. наук (E-mail: krotkova2012@yandex.ru);

Дмитрий Анатольевич Липинский, профессор кафедры теории государства и права Тольяттинского государственного университета, доктор юрид. наук, проф. (E-mail: Dmitri8@yandex.ru);

Александра Анатольевна Мусаткина, зав. кафедрой теории государства и права Тольяттинского государственного университета, канд. юрид. наук, доц. (E-mail: musatkina@mail.ru);

Alexander Malko, Director of Saratov branch of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Law, Professor, honored worker of science of the Russian Federation (E-mail: i_gp@ssla.ru);

Natalya Krotkova, Vice-Editor-in-Chief of journal *“State and Law”* of the Russian Academy of Sciences, PhD in Law (E-mail: krotkova2012@yandex.ru);

Dmitry Lipinsky, professor of theory of state and law Department of Togliatti State University, Doctor of Law, Professor (E-mail: Dmitri8@yandex.ru);

Alexandra Musatkina, head of theory of state and law Department of Togliatti State University, PhD in Law, associate Professor (E-mail: musatkina@mail.ru)